

русскими памятниками. Однако, замеченная общность некоторых исторических легенд (напр. сказания о смерти Олега и кентского предания, обработанного в «Ingoldsby Legends» Рич. Бархама о смерти барона Robert de Shurland от черепа любимого коня)¹ естественнее всего объяснялось общим для них скандинавским источником, который передвижения скандинавов занес с одной окраины «варяжского» мира на другую. Когда русская археология встретила с фактом нередких находок англо-саксонских монет в Северной России, то он получил аналогичное объяснение. В Вологодской, Олонецкой, Псковской губернии находимы были монеты времен Гарольда I, Эзсельреда и т. д.; главная масса этих а.-с. монет относится к тому времени, когда Англия находилась под влиянием Дании и должна была откупаться от врагов огромными денежными суммами (Danegeld). С постепенным растворением скандинавов среди а.-с. населения, со времени уничтожения «датских денег» при Эдуарде Исповеднике (около 1049 г.), а.-с. монеты исчезают из северных кладов, в том числе и русских.² К сходным выводам пришел Е. Н. Щепкин в своем исследовании о варяжской вире.³ Обратив внимание на то, что скала вир в «Русской Правде» наилучшую аналогию находит себе в англо-саксонских законах, он видел объяснение этого

¹ R. Abicht. Das Südrussische Igorlied und sein Zusammenhang mit der nordgermanischen Dichtung, Breslau, 1906, S. 19—20, где привлечены и а.-с. материалы; А. Лященко. Летописные сказания о смерти Олега. Изв. ОРЯС, т. XXIX, 1924, стр. 254—288.

² Б. В. Кене. Описание европейских монет. Зап. Археол. Общ., т. IV. СПб., 1852, стр. 38—39; П. С. Савельев. Англо-саксонские монеты, найденные в Вологодской губ. (Ibid., стр. 169—170; в Тотемском уезде 7 а.-с. монет короля Эзсельреда); в Псковской губ. а.-с. монеты IX—X вв. найдены вместе с немецкими и обломком «Владимирова серебра» (Отчет Археол. ком. за 1878 г., стр. XXXVIII, за 1887 г., стр. ССІ и 1889 г., стр. 94; Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья, в Мат. по археол. России, № 18, СПб., 1895, стр. 101, 104, 121). См. также Grewingk, Über heidnische Graber Russisch Litauens, S. 159 и Временник Эстляндской губ. на 1893 г. кн. I. Ревель 1894, стр. 94. Отметим кстати, что наряду с общегерманским словом шиллинг (Auguste Ladé. L'origine du mot Shilling. Revue Suisse de Numismatique. Genève, 1892, t. 11, p. 4—12) в древне-русских актах едва ли не единственный раз встречается загадочное слово «стерляг»: в Арханг. списке летописи (к. XVI в.) под 883—964 гг. говорится о радимичах, которые должны были платить дань «но стерлягу отню с плуга»; некоторые полагают, что слово стерлинг вошло в список через переписчика-архангелогородца, которому слово это должно было быть хорошо известно благодаря оживленным сношениям Архангельска с Англией в XVI в., но это, во всяком случае, не объясняет интригующей формы «стерляг», которая невольно заставляет предположить нахождение его в гораздо более ранних списках. «Впрочем, достоверно известно, — замечает Б. Кене (op. cit., стр. 12—13), — что слово стерлинг (easterling) встречается уже в грамотах короля Осбрайта (Osbright) в начале X ст. и что оно означало широкие и тонкие пфениги, битые по образцам Карла Великого и вывезенные в Англию с востока». Ср. Ф. Круг. Исторические отрывки, Вестник Европы, № 15, 1807, ч. 34, стр. 194 сл., и Гревингк в Sitzungsber. d. gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1875, S. 61.

³ Е. Н. Щепкин. Варяжская вира. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., т. XXXII. Одесса, 1915, стр. 311 и сл.